

Б. Д. Парыгин

ЛИЧНОСТЬ КАК МИКРОКОСМ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

В культурном пространстве современности все большую ценность приобретает то сознание глубины человеческого общения, о котором Дмитрий Сергеевич Лихачев говорил как о феномене «взаимопроникновения» душ (см.: *Лихачев Д. С. Об актуальности проблемы общения в современном искусствознании // Искусство и общение. Л., 1984*). Сохранение и приумножение этого пласта в духовно-нравственной культуре является неременным условием готовности социума как общности к любым вызовам своего времени. Вместе с тем оно же становится возможным лишь при условии постоянного и целеустремленного развития социально-психологической культуры видения и понимания человека в качестве личности и неповторимой индивидуальности.

Одна из примет нашего времени — стремительно растущий разрыв между темпами умножения поля проблем социума, с одной стороны, и отстающим от них уровнем психологической и интеллектуальной готовности людей к их эффективному решению — с другой. В аналогичной ситуации,

имевшей место в первой половине XX в., по мнению испанского философа Хосе Ортеги-и-Гассета (1883–1955), в Европе сформировалась психологическая атмосфера «торжества масс» над избранными. Разрыв между уровнем проблем того времени и уровнем мышления в европейской культуре XX в. обернулся, таким образом, с точки зрения ученого, кризисом духовности и привел в конечном счете к «тирании интеллектуальной пошлости». Торжество поп-культуры, стандартизации массового сознания, тиражирование его безвкусицы и вульгаризации, нередко наблюдаемые в СМИ, и сегодня чреваты разрушением некогда традиционных устоев российской духовности.

Эти же тенденции могут стать и симптомами зреющей тирании примитивизма над альтернативным ему социальным настроением на творческий поиск эффективных путей, средств и перспективных проектов социального развития. В работах известного отечественного социолога Ж. Т. Тоценко в качестве одного из факторов, а вместе с тем и продуктов противоречивых тенденций нашего социума

рассматривается так называемый феномен «парадоксального человека». Последний, по мнению и результатам эмпирических исследований этого автора, несомненно, в частности, осуществлять какой бы то ни было выбор альтернативных ценностей или моделей поведения (см.: *Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М., 2001*). Это равносильно утрате человеком его главной жизненной функции — *выбора*, связанной с его способностью самостоятельного принятия решений. Такая ситуация может быть, на наш взгляд, рационально объяснена как результат его психологической неготовности (в силу привычки к одномерной ориентации в прошлом) к новым условиям более сложной — многомерной реальности.

На вышеуказанные издержки подобной ориентации одним из первых обратил внимание немецко-американский философ и социолог Герберт Маркузе (см.: *Маркузе Г. Одномерный человек. Бостон, 1964*). Этому же, на наш взгляд, может вполне способствовать и тот духовно-нравственный релятивизм, который получает все большее распространение под влиянием не только печатных и электронных СМИ, но и модных тенденций в различных сферах художественного творчества, адресованных массовой аудитории. Однако следует ли из факта парадоксальности человека только один вывод о его неадекватности времени и своим возможностям самореализации? Обратимся вслед за Ж. Т. Тощенко к исходному образу чрезвычайной противоречивости человека, который впервые столь остро и ярко представил нам выдающийся французский математик, физик, философ и писатель XVII в. Блез Паскаль (1623–1662): «Что за химера этот человек? Какое новшество, какой монстр, какой хаос, какой узел противоречий, какое чудо! Судья всех вещей, слабоумный земной червь; носитель истины, клоака недостовренности и ошибок; слава и хлам Вселенной... Узнай же, гордец, каким парадоксом являешься ты для себя! Смирись, бессильный разум, замолчи, глупая природа; узнайте, что человек бесконечно превосходит человека!» На что настраивает сказанное выше?

Можно согласиться с Тощенко, что «это образное высказывание великого мыслителя отражает еще одну попытку познать сущность человека, его противоречивую природу, его место и роль в решении злободневных общественных проблем» (*Тощенко Ж. Т. Указ. соч. С. 5*). Однако мы бы рассматривали данный Паскалем образ как побуждающий не столько к решению сиюминутных злободневных проблем, сколько к осмыслению природы данной

парадоксальности. Как нам кажется, главное, что стоит за этим образом, — крик души человека, потрясенного тайной своей непостижимой сложности. Вот где простор для активного поиска ответа на этот актуальный запрос, или, если хотите, вызов того времени. Вот почему спустя столетия после Паскаля к аналогичной мысли приходит Артур Шопенгауэр (1788–1860), когда говорит о том, что и в судьбе отдельной личности заключена «внутренняя сущность мира, и микрокосм равен макрокосму» (*Шопенгауэр А. Под завесой истины // Шопенгауэр А. Сборник произведений. Симферополь, 1998. С. 127*). И наконец, в середине XX в. мы слышим слова выдающегося русского мыслителя Н. А. Бердяева, который, как и его предшественники, говорит о загадочности человека. «Истоки человека лишь частично могут быть поняты и рационализированы. Тайна личности, ее единственности никому не понятна до конца. Личность человеческая более таинственна, чем мир. Она и есть целый мир. Человек — микрокосм и заключает в себе все. Но актуализировано и оформлено в его личности лишь индивидуально-особенное» (*Бердяев Н. А. Самопознание. Л., 1991. С. 26*). Резонно задать себе вопрос: чем объяснить вечную тайну человека? Что мешает ее постижению? Почему Н. А. Бердяев, который, конечно же, был знаком с работами своих выдающихся современников — Павлова, Бехтерева, Фрейда, Юнга и других, так и не нашел ответа на вопрос о природе тайны человеческой личности? Изменилось ли что-нибудь принципиально с тех пор, как был выстроен целый цикл известных на сегодня психологических парадигм, объясняющих земную — биологическую, социальную, космическую (С. Гроф) детерминацию личности? К сожалению, нет. Для движения науки по пути к глубинам скрытых резервов духовно-психического потенциала личности нужна существенная корректировка маршрута всей экспедиции научного поиска. Этот процесс должен выйти за рамки преимущественно внешних детерминант в сторону направления, известного как «вершинная психология» В. Э. Франкла (см.: *Франкл В. Доктор и душа. СПб., 1997*). В эпицентре прорыва должна стать душевная и — шире — духовная субстанция человека. А это — пограничная полоса прежде всего между психологией и культурологией, в отличие от чисто философского опыта обращения к душе вне ее социокультурного контекста, как это имело место у С. Л. Франка (см.: *Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992*).